

Мелочи архи... прото... и просто иерейской жизни

(Картинки с натуры)

Не без робости вступаю я на стезю, когда-то проторенную великим Лесковым, ибо не ощущаю в себе и малой толики того необычайного дарования, которым Бог наделил моего предшественника. Однако же, вполне сознавая свое недостоинство, я вижу и два существенные преимущества мои перед Лесковым.

Первое - наличие священного сана, ведь его "картинки с натуры" - свидетельства стороннего наблюдателя, а мне довелось многое постигнуть на собственном опыте. Второе мое преимущество состоит в том, что двадцатый век явил нам такие "картинки", какие в веке девятнадцатом никому и в самом страшном сне не могли бы присниться.

Я испытываю глубокую признательность многочисленным моим друзьям - и клирикам, и мирянам, без их помощи и поддержки я бы не смог завершить этот труд. Но - увы! - донеслись же и голоса осуждения, меня обвиняют в поношении Церкви и священства. Впрочем, тут меня утешает и отчасти оправдывает то обстоятельство, что и сам Лесков отнюдь не избежал нападок со стороны лиц, "не распознающих благочестия от святости". Ханжество старо, как мир, и я, например, убежден, что еще в четвертом веке были люди, которые точно так же осуждали Святителя Иоанна Златоуста, ибо он, перечисляя пороки современных ему клириков, говорил о "гневе, зависти, вражде, клевете, обмане, лицемерии, кознях, желании похвал, пристрастии к почестям, низком человекоугодии" и пр. и пр. (смотри "Слово третье о священстве").

Но - благодарение Богу! - у Православной Церкви всегда было и есть предостаточно истинных чад, которые, с одной стороны, умеют прощать человеческие слабости, а с другой - вслед за Апостолом Павлом и Святым Симеоном Метафрастом твердо верят, что "идеже умножится грех, преизобилует благодать" и

что она, "божественная благодать всегда немощная врачует и оскудевающая восполняет".

В ответ своим критикам я дерзаю повторить слова из письма Н. С. Лескова к И. С. Аксакову: "Я никогда не осмеивал сана духовного, но я рисовал его носителей здраво и реально, и в этом не числю за собою вины".

За сим отдаю на суд читателя свои "Мелочи архи... прото... и просто иерейской жизни" - прямое продолжение или, лучше сказать, подражание моим любимым "Мелочам архиерейской жизни".

Свято-Троицкой церкви
села Низкого
смирный настоятель
священник Михаил Ардов

2 ноября 1990 г.

Любопытен я весьма, что делаешь ты, сочинитель басен, баллад, повестей и романов, не усматривая в жизни, тебя окружающей, нитей, достойных влечения в занимательную для чтения басню твою? Или тебе, исправитель нравов человеческих, и вправду нет никакого дела до той действительной жизни, которую живут люди, а нужны только претексты для празднословных рацей? Ведомо ли тебе, какую жизнь ведет русский поп, сей "ненужный человек", которого, по-твоему, может быть напрасно призвали, чтобы приветствовать твое рождение, и призывают еще раз, также противу твоей воли, чтобы проводить тебя в могилу? Известно ли тебе, что мизерная жизнь сего попа не скудна, но весьма обильна бедствиями и приключениями, или не думаешь ли ты, что его кутейному сердцу недоступны благородные страсти и что оно не ощущает страданий? Или же ты с своей авторской высоты вовсе и не хочешь удостоить меня, пона, своим вниманием? Или ты мыслишь, что уже и самое время мое прошло и что я уже не нужен стране, тебя и меня родившей и воспитавшей... О слепец! скажу я тебе, если ты мыслишь первое; о глупец! скажу тебе, если мыслишь второе и в силу сего заключения стремишься не поднять и жи-

вить меня, а навалить на меня камень и глумиться над тем, что я смраден стал, задохнувшись.

Н. Лесков. "Соборяне"

ВЕК МИНУВШИЙ

Живите, государи мои, люди русские, в ладу со своей старою сказкой. Чудная вещь старая сказка! Горе тому, у кого ее не будет под старость!

Н. Лесков. "Соборяне"

Благословясь, начну повествование. И начну его с тех курьезных историй, которые, по крайней мере в части своей, могли бы быть записаны Н. С. Лесковым и составить дополнение к "Мелочам архиерейской жизни" или к "Заметкам неизвестного".

Император Петр I во время одного из своих путешествий повстречал священника, который ехал верхом и с ружьем за плечами. Увидев эту фигуру, царь изумился.

- Отчего ты едешь с ружьем?

- Здесь, Государь, места нехорошие, - отвечал тот, - лихих людей много.

- Но ведь если ты кого-нибудь убьешь, - сказал Петр, - ты уже не сможешь быть попом.

(По каноническим правилам священнослужитель, даже нечаянно впавший в убийство, низвергается сана.)

- Да, не смогу, - отвечал священник, - но если меня убьют, я не буду уже и человеком, а у меня большая семья...

Петр подивился мужеству и разуму своего собеседника.

А вот подлинный анекдот восемнадцатого века.

На Страстной неделе некий проповедник оговорился и сказал, что Иуда продал Христа не за 30 сребренников, а за 40...

Стоящий в народе купец наклонился к своему приятелю и тихонько промолвил:

- Это, стало быть, по нынешнему курсу...

Еще старинный анекдот. В Москве или в Петербурге происходят очень богатые похороны. Стоящий на церковной паперти нищий с любопытством спрашивает:

- Кого же это хоронят?

Ему отвечают:

- Это, брат, умер генерал от инфантерии...

- Царствие ему Небесное, - говорит нищий, - каких только болезней не бывает...

В прежнее время благочинные очень строго смотрели за священнослужителями. В частности, они следили за тем, когда рождались у их подопечных дети - не были ли зачаты в пост?

Клирики обязаны соблюдать брачные посты и перед служением литургии. В этой связи в свое время возник забавный анекдот о сельском батюшке, у которого каждый год рождался ребенок, и он всякий раз призывал помещика быть восприемником, крестным отцом... Барину это, в конце концов, надоело и он заплатил священнику значительную сумму с тем, чтобы тот служил литургии каждый день в течение целого года. (То есть обрек его на постоянный брачный пост.) Однако через несколько месяцев батюшка явился к помещику и опять стал звать его на крестины.

- Как так? - удивился барин. - Ты же каждый день обедню служишь?!

- А междучасия на что? - лукаво отвечал тот.

Один из самых известных русских архиереев XVIII века митрополит Московский Платон (Левшин) был превосходным проповедником, отличался находчивостью и остроумием. В частности, весьма замечательны некоторые его диалоги с Дидро, который в свое время посетил Россию.

- Бога нет, - сказал архиерею француз.

- Это не вы первый говорите, - отвечал Владыка Платон. - Это мы из Псалтири знаем: "Рече безумен в сердце своем: несть Бог..." (Пс. 52).

- Иисус Христос ходил пешком, а вы ездите в карете шестерней, - упрекнул как-то Владыку Дидро.

На это архиерей отвечал так:

- Господь наш Иисус Христос действительно ходил по Святой Земле пешком, и ученики Его шли за Ним... А я за своей паствой и на шести лошадях не могу угнаться.

Одна из самых знаменитых проповедей митрополита Платона была говорена в Петропавловском соборе в присутствии императрицы Екатерины II по случаю победы российского флота над турецким 24 июня 1770 года. Проповедник вдруг спустился с амвона, подошел к гробнице Петра I и воззвал:

- Восстань теперь, великий монарх, отечества нашего отец, восстань и насладись плодами трудов твоих...

Присутствующий при этом граф Е. Гр. Разумовский, украинец, потихоньку сказал кому-то из придворных:

- Чего він его кличе? Як встане, то всем достанется.

Кажется, в прошлом веке возник такой забавный анекдот. Некого протопопа попросили за весьма приличное вознаграждение произнести надгробное слово по умершей богатой купчихе. Он, однако же, решил не затруднять себя сочинительством, а взял известное "Слово на погребение Петра Великого" преосвященного Феофана (Прокоповича) и прочитал его, заменяя всюду мужской род на женский.

- Что се есть? - возгласил батюшка. - До чего мы дожили, о россияне? Что видим? Что делаем? Феклу Карповну Кособрюхову погребаем!.. Не мечтание ли се? Не сонное ли нам приведение? О, как истинная печаль! О, как известное нам злоключение!..

Поначалу слушатели были довольны, пока протопоп говорил о величии и достоинствах покойной купчихи, о том, как она заботилась о просвещении... Однако же под конец речи родственники его чуть не побиили, когда он между прочим сказал, будто "покойница была весьма проста нравом и, будучи в Голландии, делила ложе с простыми матросами".

(Надо сказать, в подлинном "Слове" преосвященного Феофана такой фразы нет, но все же показательно, что в церковной среде подобный анекдот появился.)

Пожалуй, самым лучшим русским юмористом прошлого века был Иван Федорович Горбунов, его талант высоко ценили А. Н. Островский, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов. Среди поклонников и благодетелей Горбунова был граф Павел Шереметьев, который по памяти записал и издал те из его новелл, которые не вошли в печатные сборники. Книга эта весьма редкая, издана в 1901 году и называется - "Отзвуки рассказов И. Ф. Горбунова". Есть там и кое-что относящееся к нашей тематике, например, вот такие две записи.

"Митрополит Филарет (Дроздов) часто вызывался в памяти Горбунова. Например, его тихий шепот, когда он услышал ошибку читавшего о выборе апостола вместо Иуды, и когда вместо следуемого "и избраша два: Иосифа и Матфия" чтец произнес: "и избраша два Иосифа". Понимался тихий, но слышный шепот Владыки:

- Дурак, одного".

"Вот еще картинка, выхваченная с природы, из жизни старух-богомолок. Одна из них, подперши руками подбородок, всхлипывая и вздыхая, передает другой впечатление, вынесенное из церкви, где происходил обряд "Анафемы" с участием митрополита Филарета:

- Впихнули меня в церковь Божию... Что народу... Что людей... Что всего прочего... Всякого разного... Свечи, и свечи, и все возженные...

- Возженные? - переспрашивает первую старуху другая.

- Возженные, матушка, возженные, - отвечает та, - б о л д у х а н и е такое... И вывели его, батюшку, шапка у его камнем горит, и поставили на место уготованное... И как начали его проклинать... Уж проклинали его, проклинали... Уж я плакала, плакала... А у его, у батюшки, только бородка седенькая трясется...

Горбунов в своих рассказах никогда не оскорблял религиозные чувства слушателей, он любил красоту церковных обрядов, которые знал в совершенстве".

В конце прошлого века в Ярославле святительствовал архиепископ Ионафан, очень добрый и благостный старец. (Мне рассказывали, что на кладбище, где он похоронен, при копании другой могилы потревожили его гроб и увидели, что тело его - нетленно.)

Одно из главных благодеяний Владыки, оказанных Ярославлю, было возведение на противоположном берегу Волги превосходного кирпичного здания, где разместилось епархиальное училище. (Школа для дочерей клириков.) Заведение это было любимым детищем Преосвященного, он часто приезжал туда, служил в тамошней церкви... И вот однажды старцу-архиерею понадобилось уединиться. Поскольку училище было женское, то его пришлось проводить в туалетную комнату для воспитанниц... И вот в то время, когда Владыка скрывался в одной из кабинок, он услышал, как к нему приближается одна из юных девиц. При этом она напевала:

- Не шей ты мне, матушка, красный сарафан...

- Не ходи, голубушка, здесь - Иоанафан, - отвечал ей голос из-за двери.

В московских церквях до сих пор соблюдается старинный обычай - на Пасху, в Святую ночь священнослужители множество раз меняют свои облачения.

Коренной москвич, покойный архиепископ Киприан

(Зернов) в свое время объяснил мне, как это зародилось. В старое время, если умирал состоятельный человек или кто-то из его близких родственников, непременно покупался большой кусок драгоценной парчи, которой покрывали гроб, пока он стоял в церкви. Затем гроб уносили, а парча оставалась в храме и из нее за счет родственников умершего шили два облачения - для священника и для диакона. А когда приближалось Светлое Христово Воскресение, многие именитые прихожане обращались с одной и той же просьбой:

- На Пасху послужите в наших облачениях...

Так вот, чтобы не обидеть никого из благоукрасителей храма, хитроумные московские попы и ввели в обычай переоблачаться в Святую ночь множество раз...

Незадолго до революции в селе где-то под Старой Руссой служил батюшка. Был он человек добрый, и сельчане его очень любили. А там был известный обычай - по субботам бани топить. Ну, а после бани, известное дело: белье продай, а выпей... Вот так и пошло - в одну субботу этот мужик пригласил батюшку помыться, в другую - тот, в третью - еще... Словом, они своего священника споили. Это дошло до благочинного, потом до архиерея, и его запретили в священнослужении. Тогда мужики собрались толпой и пошли в соседнее село, к благочинному. В дом их, как тогда водилось, не пустили, хозяин вышел на крыльцо.

- Ну, чего пришли?

- Батюшка...

- Отец благочинный...

- Верни ты нам нашего отца Ивана...

- Да помилуйте, - говорит благочинный, - нельзя ему служить. Ведь он у вас спился... Он литургию служит, а сам за Престол держится!

- Вот то-то и оно... Он за Престол держится, а нам литургию служит...

Мой родной дед А. А. Ольшевский в начале века обу-

чался в гимназии города Владимира. Он вспоминал, как на уроках Закона Божьего преподаватель-священник разъяснял своим ученикам одно из прошений ектеньи:

"Христианския кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны, и добраго ответа на Страшном Судищи Христове, просим".

Батюшка, по-владимирски "окая", говорил:

- Какая бывает постыдная кончина? Например, в г... утонул.

А теперь хочу привести довольно известный анекдот из церковной жизни, я, помнится, даже читал его в какой-то книге.

В старое время в селе, которое называлось Палисадник, служили священник и диакон. Как-то такое они вместе шли на требу, и на дороге перед ними оказалась глубокая и очень обширная лужа, обойти которую не было никакой возможности. Диакон при этом случае был в сапогах, а священник в какой-то легкой обуви. И вот батюшка уговорил диакона перенести его через лужу. Тот согласился, взгромоздил священника на свою спину и понес... Но то ли лужа была слишком велика, то ли вес у батюшки чересчур солидный, но диакон на самой середине водной преграды ношу скинул. Священник, который изрядно промок и испачкался, не удержавшись, ударил обидчика, и между ними завязалась драка... Соблазнительный этот случай, разумеется, не остался незамеченным, дело дошло до благочинного, а тот сообщил архиерею. Резолюция, которую Владыка наложил на письме благочинного, была краткой и выразительной:

И коня и всадника -
Вон из палисадника.

(Тут следует добавить, что для церковного человека это звучит тем более забавно, что со слов "Коня и всадника в море Чермное" начинается весьма употребительное песнопение - ирмос пятого гласа.)

Тут в памяти всплывает и такое. Некий батюшка приходит домой в сильном расстройстве и говорит жене:

- Матушка, меня сегодня в церкви диакон побил...
- Это каким же образом?!
- Да не образом, дура, а подсвечником!

Мне рассказывали, что в дневнике А. С. Суворина описывается такой забавный эпизод. Генералу Дурново был присвоен придворный чин, и по этому случаю он примерял новый мундир. Глядя на себя в зеркало, генерал спросил своего камердинера:

- Ну, как, Иван? Идет мне этот мундир?
- Очень идет, ваше превосходительство, - отвечал тот. - Вы в нем теперича похожи на льва.
- А где же ты видел льва? - удивился Дурново.
- А на картинке, - отвечал камердинер. - На нем Иисус Христос в Иерусалим въезжает...

В прежнее время, когда заказывался "сорокоуст", то действительно служилось подряд сорок божественных литургий (в просторечии обеден). В деревенских храмах на этих службах подчас вообще никого не было - только сами клирики, прихожане являлись к самому концу, чтобы отстоять панихиду.

Так вот, в некоем селе священник и диакон, чтобы облегчить себе жизнь, прибегали к такому приему. Литургии они вовсе не служили, а сидели в Алтаре у окна и смотрели, когда появятся на дороге прихожане. Тут они открывали Царские врата и имитировали окончание обедни, примерно с песнопения "Видехом свет истинный..." Затем после отпуста начиналась панихида.

Это мне когда-то рассказал архиепископ Киприан и добавил:

- Ну, чего можно было ждать для Церкви при таких священнослужителях?..

В 1913 году Россию посетил патриарх Антиохийский

Григорий. Русского языка он, разумеется, не знал, служил по-гречески, но некоторые возгласы произносил по-славянски, их ему подсказывали сослужащие с ним наши архиереи. По этой причине произошла курьезная и даже отчасти соблазнительная история.

Патриарх служил Божественную литургию, а один из русских митрополитов стоял в алтаре неподалеку от престола и в определенные моменты исполнял обязанности суфлера.

На великом входе патриарх принял от протодиакона дискос, а невидимый народу митрополит тихонько подсказал ему нужные слова:

- Благочестивейшего, самодержавнейшего, великого Государя нашего...

Патриарх, стоящий в отверстых Царских вратах, громко, на весь храм возгласил эти слова.

Митрополит продолжал:

- Императора Николая Александровича всея России...

Патриарх все это повторил.

Митрополит суфлировал дальше:

- ...да помянет Господь Бог во Царствии Своем, всегда, ныне и присно и во веки веков...

И опять:

- Супругу Его, благочестивейшую Государыню Императрицу Александру Феодоровну...

Все шло гладко, русский иерарх подсказывал, а греческий возглашал.

Митрополит продолжал:

- Святейший правительствующий Синод да помянет Господь Бог во Царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков...

Патриарх повторил эти слова и уже без всякой подсказки, по собственному разумению добавил:

- Супругу его...

Митрополит только руками всплеснул и у него вырвалось:

- Супруги нет!..

А Патриарх принял это восклицание за очередную под-
сказку и громким голосом повторил:

- Супруги нет!..

Что было дальше и как завершился этот великий
вход - история умалчивает.

В начале нашего века в соборе города Владикавказа
был такой забавный случай. Тамошний архиерей совершал
на литургии диаконскую хиротонию. При этом ставленник
был совершенно лысый. И вот, когда протодиакон стал
первый раз обводить его вокруг престола, он от волнения
задел семисвечник и опрокинул одну из лампадок, да так,
что масло пролилось ему на голову, а "поплавок" (устрой-
ство для фитилька) прилип к коже черепа...

Смотреть на умасленную главу несчастного, да еще с
прилипшим поплавком, без смеха было невозможно. Смея-
лись решительно все - священники, диаконы, прислужни-
ки... Не смеялся только один человек - архиерей, совер-
шавший священнодействие.

Но вот отошла литургия, и, чтобы наказать своих
смешливых клириков, Владыка устроил крестный ход в
ближайший монастырь - несколько километров по жаре с
иконами и хоругвями, в полном облачении. И тут всем
стало не до смеха...

Один человек, который в молодости жил в Сергиевом
Посаде, рассказал мне такую историю. Было это тогда,
когда отец Павел Флоренский только что принял священ-
ный сан. Служили всенощную. В самом начале, как поло-
жено, священник с кадилом и диакон со свечей пошли по
всему храму... (Вот тут некоторая неясность - о. Павел
был то ли еще диаконом, то ли уже священником. Но
факт, что сослужил ему такой же новоиспеченный кли-
рик.) Вот они подошли к праздничной иконе, которую сле-
довало покадить только с одной стороны. Но так как оба
они толком службы не знали, то обошли аналой - окадили
икону с четырех сторон... Обошедши раз, пошли во второй,

потом в третий... Каждый из них надеялся на то, что служащий лучше знает устав... Наконец, их ошибку заметили из алтаря, и присутствовавший там архиерей сказал пономарю:

- Пойди их останови. А то они всю икону закопят...

Окончить эту, первую главку моего повествования, пожалуй, стоит нижеследующим курьезом. После отречения Государя Императора Правительствующий Синод разослал по епархиям распоряжение о том, что теперь на ектеньях и возгласениях следует поминать не монарха, а "благочестивое временное правительство". По окончании же литургии и в иных случаях предлагалось воспеть и такое несообразное к Богу прошение:

- Временному правительству - многая лета!

"ТИХОНОВЦЫ" И "ОБНАГЛЕНЦЫ"

Жизнь кончилась, началось житие.

Н. Лесков. "Соборные"

О трагической истории Русской Православной Церкви в двадцатых и тридцатых годах уже написаны томы - есть книги о. М. Польского, Л. Регельсона, о. В. Русака... О страшном этом времени будут написаны и еще сотни страниц по той хотя бы причине, что необходимо сохранить как можно больше сведений о новомучениках и исповедниках российских.

Мой труд отнюдь не принадлежит к жанру агиографии, и тем не менее, я не могу вовсе не коснуться этой темы. Мой великий предшественник Николай Лесков когда-то изрек: "Человек наилучше познается в мелочах". Я могу от себя добавить: это относится не только к нравам, но и ко времени.

Несколько лет назад я сделал небольшое наблюдение в области топонимики. Я вдруг обратил внимание на то, что

душою, вдохновителем кровавых гонений, которые обрушились на христиан и их Церковь в первые десятилетия советской власти, был человек, который носил имя Святого Крестителя Руси - князя Владимира. Но при том фамилия его - Ульянов (т. е., собственно, Юлианов) содержит в себе имя одного из злейших за всю историю врагов Церкви - кесаря Юлиана Отступника. Страшноватый дуализм...

"Тихоновцы" - так, по имени великого Российского Первосвятителя, называли православных их гонители и недруги. Полагаю, в свое время слово это - "тихоновцы" - произносилось то с ненавистью, а то и с высокомерием. Но зато можно с уверенностью сказать: сами истинные чада Церкви в этом прозвище ничего зазорного для себя не чувствовали.

Начну с некоей цитаты, вернее, с пересказа. Книга Льва Регельсона "Трагедия Русской Церкви" представляется мне несколько тенденциозной и спорной по части выводов, но содержит множество поразительных фактов и бесценных документов. (Таких, например, как автобиография владыки Афанасия [Сахарова].)

На меня самое сильное впечатление произвела сцена ареста священномученика митрополита Петроградского Вениамина. Чекистов к нему привел его ученик, уже известный в городе проповедник о. Александр Введенский - будущий глава обновленцев. Несмотря на свою весьма сомнительную роль, он приветствовал архиерея, как положено, и протянул руки, чтобы получить благословение.

Владыка Вениамин благословения не дал и произнес:

- Оставьте, отец Александр. Мы ведь не в Гефсиманском саду.

В каком-то селе закрывали церковь.

Мрачная и молчаливая толпа мужиков глядела на разорение святыни.

Из церкви вышвырнули иконы.

Один из "комиссаров" кричит сельчанам:

- Бога нет! Нет Бога! Вот, смотрите!..

И он начинает палить из винтовки в лики святых.

- Видите?! Видите?!.. Ну, где ваш Бог?.. Почему Он меня не накажет?

- Уже наказал, - слышится голос из толпы.

- Когда наказал? Как наказал?

- Ум отнял.

В двадцатые годы на моем приходе, в селе Низком, служил старый иеромонах, отец Исидор. По какому-то случаю его вызвали в сельский совет. Там секретарь обратился к нему вполне дружелюбно:

- Товарищ Никольский...

Батюшка его перебил и сказал:

- Я - вам не товарищ. Я никогда не был вам товарищем. И не дай Бог быть с вами товарищем!

Рассказ старой монахини.

Когда из города высылали духовенство, то целый вагон набили только священниками и диаконами. Их провозжали со слезами. Поезд долго не уходил, и вдруг высылаемые все вместе хором запели:

- На реках Вавилонских, тамо сидехом и плакахом...

Весь псалом - до конца.

Мой покойный отец рассказывал, что уже после войны познакомился и дружески разговорился с гримером, который с дореволюционных времен работал в театре областного города. Старик признался ему, что в двадцатом году приходилось ему выполнять страшную работу. К нему являлись местные чекисты, и он наклеивал им бороды, подбирал парики, словом, гримировал их "попами". После этого они надевали рясы и с поддельными документами, якобы от местного архиерея, отправлялись по сельским приходам отбирать драгоценную утварь.

И еще рассказ отца.

В двадцатых годах, будучи еще молодым литератором, он видел в тогдашнем цензурном ведомстве такую сцену. Один из ответственных работников (разумеется, еврей, старый большевик) принимал маститого протоиерея - в рясе, в камилавке, с крестом... Батюшка пришел по поводу какой-то церковной публикации. Говорили они между собою подчеркнуто вежливо, дело решалось... Но при этом собеседники относились друг к другу с невероятной брезгливостью. Батюшка боялся ненароком дотронуться до "жида", а еврей - прикоснуться к "попу".

Дочь знаменитого дрессировщика и клоуна Дурова, Анна Владимировна, рассказывала мне об одном диспуте в двадцатых годах, участником которого был ее отец. Он там представлял "атеистическую науку", а религию - какой-то священник. Во время дискуссии батюшка заявил:

- Я могу очень просто доказать и то, что Господь Иисус Христос существовал, и самый факт его воскресения...

Затем он повернулся к многочисленной аудитории и воскликнул:

- Христос воскрес!

- Воистину воскрес! - отозвались сотни голосов.

(В своих воспоминаниях архиепископ Никон (Фомичев) сообщает, что к этому же приему прибегал во время дискуссий и обновленческий "митрополит" Александр Введенский.)

Как известно, святитель Тихон, патриарх Московский, отошел ко Господу в день Благовещения в 1925 году. (То есть он на год с лишним пережил В. И. Ленина.) Еще при жизни Святителя на Красной площади был сооружен первый мавзолей, тогда еще деревянный. Как видно, строили поспешно, и вскоре после окончания работ в новом здании случился досадный казус - сломался ватерклозет и стала фонтанировать фановая труба. По Москве пополз слух об этом происшествии. Рассказали это и патриарху Тихону, который отозвался на сообщение кратко и выразительно:

- По мощам и миро.

В двадцатые годы храмов в Москве оставалось почти столько же, сколько было до революции, но при этом очень многие люди отошли от Церкви - кто из страха, кто - по маловерию... И вот тут между приходами началась конкуренция с тем, чтобы привлечь побольше молящихся. Где-то отличались особенно усердным поминовением усопших, где-то стройным пением, где-то соблюдением малейших требований устава.

В те годы в Москве было несколько превосходных протодиаконов, таких, как о. М. Холмогоров или о. М. Михайлов. Пригласить такую знаменитость послужить в праздник был верный способ привлечь народ.

А тут еще было принято решение выслать почти всех правящих архиереев из епархий в Москву. Этим на Лубянке достигали сразу двух целей: во-первых, тут за ними было легче следить, а во-вторых, их оторвали от паствы. И вот епископы, кто как мог, устраивались в столице... Если приглашали служить какого-нибудь владыку, то в храм он ехал на трамвае...

Вот курьезная сцена того времени. Настоятель церкви и староста накануне престольного праздника ведут переговоры с каким-нибудь знаменитым протодиаконом. И уже обо всем договорившись, напоследок спрашивают его:

- А с каким архиереем хотите послужить?

(Всю несообразность этого вопроса можно показать на таком примере. Вообразите, что у начальника почетного караула спрашивают:

- Главу какого государства вы бы хотели приветствовать в следующий раз?)

В книге Л. Регельсона архиепископ Федор (Поздеевский) описывается как человек весьма серьезный, который никогда не смеялся и даже несколько порицал патриарха Тихона за улыбку. Об этой характеристике поведали одному из бывших иподиаконов владыки Феодора, и вот что он сказал:

- Иногда наш Владыка не смеялся, а иногда еще как

смеялся. Вот, помню, двадцатые годы... Рукоположил он одного повара во диакона. (А тогда желающих принять сан почти не было.) И вот первая служба с новым диаконом. Всенощная под какой-то богородичный праздник. Значит, вчера он был еще повар, а сегодня - диакон. И вот выносит он Евангелие на амвон и возглашает прокимен: "Помяну имя Твое во всяком роде и роде". После этого следует говорить стих: "Отрыгну сердце мое слово благо". А стих-то наш бывший повар от волнения забыл... Только сказал громким голосом: "Отрыгну..." И умолк... И стоит на амвоне с Евангелием на вытянутых руках... Так, я помню, владыка Федор на кафедре посреди церкви прямо и трясется от смеха..."

История с этим поваром напоминает мне случай с другим совместителем. Дело было примерно в то же время - в двадцатых годах. Это - рассказ покойного Михаила Николаевича Ярославского, который в молодости был старшим иподиаконом у архиепископа Серафима Угличского (Самойловича).

Так вот служил как-то архиепископ Серафим в селе Никола-Топор. А тамошний диакон по совместительству был еще и счетоводом в какой-то местной конторе. На всенощной он не так произнес титул служащего архиерея. А когда присутствовавший там благочинный сделал ему выговор за ошибку, то диакон простодушно сказал:

- Ну, что вы, отец протоиерей... Ведь это не бухгалтерия, здесь особая-то точность не нужна...

И еще рассказ М. Н. Ярославского.

В церкви одного села неподалеку от Углича псаломщиком был житель деревни, которая была за несколько верст от храма, так что приходилось ему к службе ездить на лошади. (Благо тогда еще у мужиков лошади были.) Никаких певчих там и в помине не было, на клиросе псаломщик пел один.

И вот как-то диакон на амвоне произносил заупокойную ектенью, и пока он перечислял множество имен, псаломщик задремал...

- ...и о еже простится им всякому прегрешению вольному же и невольному...

Не слыша с клироса "Господи, помилуй", диакон повернулся и увидел, что псаломщик дремлет. Тогда он подошел к спящему и слегка потрогал его за плечо... Тот пробудился и вскричал на весь храм:

- Тпру!.. Где вожжи-то?

С Михаилом Николаевичем Ярославским я познакомился в 1980-м - в год принятия священного сана. Тогда он был главным бухгалтером Ярославской епархии. С первого взгляда поразил меня его облик - высокий, худой, прямой... А главное - лицо - ум, доброта, благородство. Такие лица часто встречались в старой России, а теперь перевелись. Все предки его с отцовской и материнской стороны - священники, "колокольное дворянство". (Кстати сказать, старший брат М. Н. - Сергей, в монашестве Кассиан, долгое время был архиереем в Костроме.) Я горжусь тем, что был в числе тех священников, к кому покойный Михаил Николаевич благоволил и кого дарил своей дружбой.

В 1983 году я записал на диктофон его воспоминания об архиепископе Угличском Серафиме (Самойловиче). В его рассказе есть эпизоды, которые вполне могут быть отнесены к жанру "Мелочи архиерейской жизни". Впрочем, это - такие "мелочи", которые не могли бы и пригреться ни самому Лескову и никому из его современников.

Итак, документальный рассказ М. Н. Ярославского.

"В двадцать девятом году сидел я в Кеми, в пересылке, работал там на лесопильном заводе... А там тогда много духовенства сидело. Был там с нами владыка Нектарий (Трезвинский), vikарий Вятской епархии, епископ, по-моему, Ярангский... Он был одно время наместником Александро-Невской лавры. Встретился я с ним там, в кемском пересыльном пункте. Смотрю, кто-то такое в духовной одежде, в подрясничке, в скуфеечке, сапоги - колет лед у нашей столовой, у кухни лагерной. А вообще-

то у нас архиереи все больше с метелочками ходили, раз-метали снег на панелях. Ну, лопаткой немножко... А тут вижу, какое-то духовное лицо так старается, колет лед... Я его спросил: "Батюшка, вы в каком сане будете?" "А вам, - говорит, - какое дело?" "Да я, - говорю, - сам из духовных немножко... Правда, я не духовный сам-то... Но сын священника, был иподиаконом у владыки Серафима..." "А, - говорит, - из Углича, значит?" Оказывается, он многих там знает... "А я, - говорит, - иеродиакон". Ну, так я его и звал - "отец иеродиакон". Были у нас хорошие с ним, дружеские отношения... Шутили мы с ним иногда. Духовенство тогда находилось почти все вместе, в одном бараке. Правда, там и другие были, гражданские лица... Великим Постом песнопения мы пели - "Покаяния отверзи ми двери", "На реках Вавилонских"... И вот этот мой знакомый "отец иеродиакон" управлял нашим хором. И я помню какой-то владыка ошибся, а он ему кулак к носу подносит. Я после ему говорю: "Ведь это неудобно, отец иеродиакон, так с архиереем-то обращаться". "А что же он? Уж взялся петь, так пой". И так дожили мы, это зимой было дело, до весны. Весной убирают снег. А я стоял и разговаривал с одним священником, заключенный тоже, конечно. Сторожем он был. Разговариваю я с ним, а там везут на санках снег. И сзади вот мой знакомый "иеродиакон" лопатой этот снег подпирает. А мой знакомый сторож, батюшка, кланяется и говорит: "Здравствуйте, Владыко". А я говорю: "Который же тут владыка?" А он: "С лопатой-то". Я ему: "Так это же иеродиакон". "Что ты?" - говорит. "Так я ж, - говорю, - его знаю". "А я, - говорит, - рядом с ним сплю". Так я смутился... На обратном пути, когда они с санками возвращались, этот батюшка говорит: "Владыко, что же вы невинных людей в заблуждение вводите?" А он улыбается... Действительно, архиерей... И стал я от него бегать... Как увижу, что идет владыка Нектарий, так я от него бегом... А потом как-то встретился с ним нос к носу, бежать уже некуда... "Владыко, простите меня... что я вас называл иеродиаконом... Вы

ведь меня ввели в заблуждение..." А он: "А почему ты решил, что я действительно иеродиакон, не посомневался?" "Да вот вы уж очень работаете-то не по-архиерейски... Архиереи так не работают..." "Да они все лодыри", - говорит... А потом оказывается, уже я после слышал от своего двоюродного брата протоиерея Державина Александра Михайловича, московского протоиерея, а его, владыки, товарища по академии, что он потонул... Его сделали доставщиком посылок на соловецкий остров... Наверное, это жулье его и толкнуло... Утонул в Белом море... Сидел там с нами епископ Глеб, по-моему, фамилия - Покровский. Викарий Рязанской епархии, епископ Михайловский... Было это вскоре после моего прибытия в Кемь... Однажды возвращаюсь я с работы в барак, смотрю, все духовенство какое-то такое напряженное... задумчивое такое... О чем-то тут говорят... Я спрашиваю: "Что такое?" "Владыку Глеба освобождают. И он не знает, куда ехать. Послал митрополиту Сергию телеграмму, куда он может, какой ему город избрать - ответа нет". И я говорю владыке Глебу: "Владыко, а возьмите Кашин. Этот город недалеко под Москву, на железной дороге. Владыка Иосиф из Кашина переведен в Могилев. Я знаю, епархия... кафедра там свободна..." А владыка: "А куда я поеду-то там? Где я остановлюсь?" "А мой брат, - говорю, - там в семинарии учился. Я вам дам адрес. Отец Сергей Соколов, священник Ильинской церкви. Найдете там". Он опять послал телеграмму митрополиту Сергию, может ли избрать Кашин. И после я получаю от брата своего письмо. Пишет: "Отец Сергей (это бывший его квартирный хозяин) шлет тебе благодарность за то, что ты порекомендовал владыке Глебу поехать к ним в Кашин". Владыка явился как раз в день его именин... И так все были довольны... Владыка Глеб так и жил потом у него на квартире... Но официально Кашинским епископом, кажется, он так и не стал. Какая его судьба дальнейшая, я не знаю. Да... а как новый этап к нам пригонят, мы все спрашивали священников, да и дьяконов, как там на воле? Молятся ли за советскую власть?

Помню, отец Александр, архимандрит, настоятель Семи-езерской пустыни из Казани... Я с ним был несколько знаком. Разговаривал с ним нередко... И вот этот архимандрит Александр, помню, когда его спросили: "молитесь ли за власть"? Он говорит: "В самое "до" берем".

Молиться за богоборческую советскую власть предписывал "заместитель местоблюстителя Патриаршего Престола" митрополит Сергей после того, как опубликовал 29 июля 1927 года свою печально известную декларацию, где провозглашалась лояльность христиан репрессивному режиму и даже некоторая общность интересов - "ваши радости - наши радости". Подавляющее большинство клириков никак не хотело помянуть на богослужениях беспощадных врагов Церкви. Один из тогдашних "непоминавших" знаменитый московский протоиерей отец Валентин Свенцицкий так объяснял свой отказ молиться за большевиков:

- Это - не власть. Власть устанавливается законным путем, а это - узурпаторы, захватчики.

Некоторые священники и диаконы подобно о. В. Свенцицкому открыто отказывались помянуть "власти", а более осторожные клирики прибегали к нижеследующему наивному приему.

Вместо того, чтобы произносить на ектеньях "О богохранимой стране нашей и властях ея, Господу помолимся", они говорили так: "О богохранимой стране нашей и областей ея"...

На слух разницу уловить было трудно.

Не так давно в одной из газет мне попалось интервью епископа Василия (Родзянко), который, в частности, вспоминал, как еще в детстве был свидетелем примечательного разговора. Тогдашнего председателя Русской Зарубежной Церкви митрополита Антония (Храповицкого) спросили:

- Правда ли, что большевистская власть - антихристова?

- Много чести, просто разбойники, - отвечал Владыка.

И еще одна история со слов М. Н. Ярославского. Он передал мне дословно такой рассказ своего старшего брата архиепископа, который до войны в сане священника много лет провел в заключении.

- Как-то у нас в тюремной больнице был медицинский осмотр. Там присутствовал сам начальник тюрьмы. Увидев меня, он спросил: "Ярославский, ты, если освободишься, опять попом работать будешь?" Я хотел ему ответить: "Как Бог даст". Но вдруг женщина-врач мне подсказала: "А вы ему скажите: я еще архиереем буду".

Покойный архиепископ Мелитон (Соловьев), викарий Ленинградской епархии, с юных лет весьма почитал отца Иоанна Кронштадтского. До войны ему, еще священнику, приходилось сидеть в тюрьме и бывать в знаменитом "сером доме" на Литейном. Вот рассказ владыки Мелитона, записанный со слов его иподиакона.

"Во сне ко мне является отец Иоанн Кронштадтский и говорит: "Исповедуй меня". Я говорю: "Батюшка, да что вы?! Как же я буду исповедовать в а с?!" А он настойчиво повторяет: "Исповедуй меня". Мне пришлось повиноваться, он наклонил голову и назвал несколько незначительных грехов... В тот же день вызвали меня в "серый дом". Между прочим следователь спросил: "Вы почитаете отца Иоанна Кронштадтского?" "Да, - говорю, - очень почитаю". "Вы считаете его святым?" "Да, - говорю, - считаю". "А вы могли бы поцеловать его портрет?" При этом следователь подал мне небольшую фотографию батюшки. "Да, - говорю, - могу". Я перекрестился и приложился к портрету. "Ну, хорошо, - сказал следователь, - идите". И отпустили меня. И только выйдя от них на улицу, я сообразил, что означал мой сон..."

(Тут, пожалуй, следует пояснить, что глагол "исповедовать" имеет двойкий смысл. Можно исповедовать не только грехи, но и какую-то веру. Отсюда - существительное "вероисповедание".)

Ну, а теперь от "тихоновцев" перейдем к "обнагленцам". "Обнагленцами", по свидетельству о. В. Русака, назвал "обновленцев" в свое время митрополит Трифон (Туркестанов). Сами себя они именовали возвышенно - "Живая церковь".

Чего-чего, а именно живости в определенном, узком смысле этого слова у них никак не отнимешь - женатый епископат, два только официальных брака у "митрополита" Введенского...

"Шерше ля фам" - вот подоплека не только этого, но и почти всех других церковных расколов.

Англиканская церковь отделилась от Рима из-за желания короля Генриха VIII развестись с женой и сочетаться с фрейлиной Анной Болейн.

Лютер, сам августинский монах, был женат на монахине.

И это начиная с самого первейшего "раскола", когда праотец Адам из-за женщины обособился от Всевышнего.

Вот тема для исторического исследования...

В каком-то обновленческом приходе был престольный праздник. Богослужение возглавлял один из "архиереев" "живой церкви". После литургии и молебна, как положено, торжественный обед. Во главе стола сидит "владыка", а рядом с ним его "законная" супруга. Во время трапезы "архиерейша" не закрывает рта, всем командует... В конце концов сам "владыка", смущенный ее развязностью, примирительным тоном произносит:

- Ну, что уж ты, матушка...

- Какая я тебе матушка?! - вскидывается она. - Я - владычица!

Рассказывали мне и о таком примечательном случае, происшедшем будто бы в тридцатых годах. Сидели как-то вечером два приятеля в ресторане. (А был, между прочим, Великий Пост.) Один из них огляделся и сказал другому:

- Послушай, вон за тем столиком сидит с двумя дамами обновленческий "митрополит" Александр Введенский.

Тот посмотрел на сидящего в гражданской одежде человека, который разливал вино и шутил с дамами, и засомневался:

- Нет... Не может быть... Ты - обознался...

Но приятель стоял на своем, и они заспорили.

Тогда первый решил развеять сомнения и предложил:

- А хочешь, я к нему сейчас подойду и возьму благословение.

- Ну, подойди.

Он сложил руки лодочкой и, приблизившись, обратился к человеку в костюме:

- Владыко, благословите.

Введенский (а это был он) повернул голову и проговорил:

- Не время и не место.

Тогда подошедший "возмутился духом" и отвечал:

- Это тебе здесь - не время и не место!

Еще одно качество "живоцерковников" - живая, действенная связь с ОГПУ, НКВД... Известный регент Н. В. Матвеев, который в молодости жил в Сергиевом Посаде, рассказывал, как однажды его встретил настоятель обновленческого храма и предложил перейти к нему.

- Боже упаси! - воскликнул Николай Васильевич. - Я к вам ни за что не пойду!..

- Посадим, - совершенно откровенно заявил "батьюшка".

Мне когда-то объясняли, так сказать, механику распространения обновленчества по стране. В каком-нибудь городе появляется группа раскольников и просит местный совет зарегистрировать их общину. Им категорически отказывают - там хватает забот с православными приходами. Но тут следует распоряжение из ГПУ - немедленно зарегистрировать и предоставить церковное здание.

А дальше начинается соперничество и вражда между "тихоновцами" и "обнагленцами", в результате - взаим-

ные жалобы, а там и доносы. И вот уже в ГПУ известно решительно всё...

Один маститый священнослужитель рассказывал, что в юности он как-то зашел в храм Христа-Спасителя. (Это было в те годы, когда он еще закрыт не был, но уже принадлежал обновленцам.)

Богослужение не совершалось, и церковь была почти пустой... Однако из алтаря доносились какие-то разгневанные голоса. Затем послышался глухой удар, и сейчас же из открытой двери на солею выкатилась митра...

Даже в мое время многие помнили публичные диспуты "митрополита" "живой церкви" Введенского с "наркомпросом" А. В. Луначарским. Рассказывали, что за кулисами они вместе пили чай и дружески беседовали. Оба были весьма находчивы и остроумны. Один из диспутов, например, имел такое окончание. Введенский сказал:

- Так как ни мне не удалось убедить Анатолия Васильевича в божественном происхождении мира и человека, ни ему убедить меня в правоте материалистической теории, и мы оба остались при своем мнении, будем считать так: меня создал Бог, а Анатолий Васильевич произошел от обезьяны.

Луначарский отвечал на это:

- Я согласен. Но взгляните на меня и представьте себе обезьяну... Вы увидите явный прогресс. А что такое этот человек в сравнении с Богом?..

Естественно, наркомпрос не мог быть постоянным партнером Введенского на модных в те времена диспутах, и с ним часто выступали другие деятели. Мне рассказывали об одном таком случае, который окончился весьма драматически. (Факт подтверждала покойная дочь "первоиерарха".) Было это, если не ошибаюсь, где-то в Средней Азии. Там оппонентом Введенского выступал местный партийный работник, как видно, не семи пядей во лбу. К

концу диспута он был совершенно разбит своим эрудированным и красноречивым партнером и тогда в отчаянии возгласил:

- Пусть он говорит, что Бог есть... А я жил без Бога, живу без Бога и еще проживу сто лет...

С этими словами он замертво свалился с трибуны - разрыв сердца...

Невозможно вообразить, что тут произошло в зале и что началось во всем городе... Введенского во всяком случае оттуда выслали через несколько часов.

И вот настали самые страшные времена. Тут уже брали всех подряд, без разбора - и "тихоновцев", и "обнагленцев"... К 1941 году на территории огромной страны сохранилось ничтожное количество действующих храмов, и почти все клирики были репрессированы.

Если перед войной Митрополиту Сергию задавали вопрос: "Как живете?", он неизменно отвечал:

- Просторно. Один правящий архиерей у меня в Хабаровске, а другой - в Литве.

"РВАНЬ НА ДЫРИЩЕ", или "НОГА ПРИСТАВЛЕННАЯ"

*...сей читал трудно и козелковато,
а пел неблагочинно лешевой дуд-
кой...*

*Н. Лесков.
"Заметки неизвестного"*

*Помяни, Господи, раба Твоего и м р е к а
Н. Лесков. "Соборяне"*

Теперь пора перейти к тому, что я называю "лесковщиной в чистом виде". Возникает это явление по двум наиглавнейшим причинам. Первая - оговорки. Типичнейший

пример тому - "рвань на дырище". Кому-то пришлось читать в храме 101-й псалом, там есть такая фраза: "бых яко нощный вран на нырищи" (по русскому переводу: как филин на развалинах). Так вот чтец вместо не вполне понятных "вран на нырищи" произнес нечто более доступное его разумению - "рвань на дырище".

Вторая причина возникновения забавных и немыслимых словосочетаний та, что "закон Божий" за годы советской власти никогда и нигде не преподавался (кроме как в немногочисленных духовных школах). И прихожане наши всё, что произносится или поется в церкви, вынуждены воспринимать со слуха. Отсюда и возникают - вместо "иеромонаха" - "азромонах", вместо "Мельхиседека" - "Мелкосидел", вместо "митрофорного протоиерея" - "митрофонный", вместо "преосвященного митрополита" - "облегченный мелкополит"...

Сравнительно недавно в одном из московских храмов была забавная оговорка. В Евангелии от Иоанна есть греческое слово "епендит" (в русском переводе - одежда). Вся фраза, содержащая это слово, по-славянски звучит так:

"Симон же Петр слышав, яко Господь есть, епиндитом препоясая бе бо наг, и ввержеса в море".

Так вот некий батюшка прочел это место так:

- "аппендицитом препоясая"...

В некоторых случаях после прокимна: "Помяну Имя Твое во всяком роде и роде" произносятся стихи - "Слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо Твое".

Мне рассказывали, что один из диаконов на этом стихе сбился. Он возгласил:

- Слыши, дщи и приклони...

После этого диакон сделал паузу и закончил так:

- ...и виждь ухо Твое".

Мне рассказывали, что диакон Владимир Русак, когда

он еще был сотрудником издательского отдела Патриархии и служил с владыкой Питиримом, однажды за богослужением вместо того, чтобы произнести "архиепископ Волоколамский" возгласил "архиепископ Валокординский". И больше всех над этим смеялся сам Владыка, который в действительности довольно часто принимал валокордин.

Помнится, служил в ярославском соборе новопоставленный диакон. От волнения он часто ошибался - то чего-то не договаривал, а то и от себя прибавлял. В частности, на всенощной есть такое молитвенное прошение:

- ...о еже милостиву и благоуветливу быти благому и человеколюбивому Богу нашему, отвратити всякий гнев на ны движимый, и избавити ны от належашего и праведного Своего прещения, и помиловати ны.

Диакон в этом месте сделал некое прибавление:

- ...отвратити всякий гнев на ны движимый в недвижимый...

Святитель Иоанн Златоуст именуется двояко, в одних богослужебных книгах на греческий лад - "архиепископ Константинопольский", а в других - на славянский - "Константиноградский". Один московский батюшка соединил оба варианта и на отпуске всегда говорит так:

- Святителя Иоанна, архиепископа Константиноградского...

Иногда для достижения сильнейшего эффекта даже не нужно коверкать или перевирать слова, достаточно просто ошибиться в ударении. Вот стих, который произносится на заупокойном богослужении:

- Души их во благих водворятся.

Некий диакон однажды возгласил так:

- Души их, во благих водворятся!

И, наконец, подлинный анекдот времен дореволюционных.

В большом городском храме шла литургия в неделю (воскресение) "святых отец" - перед самым Рождеством Христовым. Диакон, как положено, на амвоне читает Евангелие от Матфея - родословие Иисуса Христа, а священники стоят в алтаре у престола.

Вместо того, чтобы прочесть: "Салафииль же роди Зарававеля", диакон произнес:

- Соловей же роди журавеля...

Старший протоиерей прищурил глаза и тихонько сказал сослужителям:

- Вот так пташка!..

Некий человек, вовсе нецерковный, первый раз побывал на богослужении, делился своими впечатлениями.

- Очень мне понравилось. Так и за животных молятся...

- За каких животных? - спросили его.

- За крокодила...

- За какого крокодила? Что вы говорите?

- Как же? Я сам слышал, они пели про крокодила...

Этот человек так воспринял на слух песнопение вечерни: "Да исправится молитва моя, я к о к а д и л о пред Тобою..."

И еще из того же жанра.

Одна старушка жалуется другой:

- Батюшка у нас очень злой, он меня ненавидит. Все время пальцем на меня показывает и говорит: "Я тебя съем".

(Так эта женщина воспринимала возглас "Мир всем!" и сопутствующее ему благословение десницей.)

В сельских храмах даже на клиросах порой стоят вовсе неграмотные женщины, во всяком случае не умеющие читать на церковно-славянском языке. И поют они только то, что запоминают с чужого голоса. Вот яркий пример:

Во время погребения поется, в частности, такое:

"...яко земля еси и в землю отидеши, а може вси человецы пойдём..." (т. е. в землю все люди пойдём).

В некоем храме клирошане, как видно подразумевая лежащего перед ними покойника, вместо "а може вси человецы пойдём" пели так:

- А может, в человеки пойдёт...

Тут следует добавить, что некоторые краткие молитвословия, которые считаются общеизвестными, нелегко бывает обнаружить напечатанными полностью. Таков, например, причастен (песнопение в конце литургии) "В память вечную будет праведник, от слуха зла не убоится". И в Апостоле, и в Типиконе указывается так - "Причастен: В память вечную...".

А потому немудрено, что в одном сельском храме на клиросе это пели отчасти по слуху, отчасти по собственному разумению:

- В память вечную будет праведник, пастух козла не убоится.

Отец Борис Старк рассказывал мне, когда он вернулся из Парижа в Россию и был направлен для служения в кладбищенский храм Костромы, его поражали поминальные записки. Приходилось молиться о упокоении таких предметов, как "лампа" или "графин"... И только по прошествии времени он овладел обязательным для священнослужителя Русской Православной Церкви умением расшифровывать слова, встречающиеся в поминаниях. "Лампа" следует произносить вслух, как "Олимпиада", а "графин" - "Агриппина".

Впрочем, встречаются и такие слова, которые расшифровке не поддаются. (Я, например, так и не смог понять, что имела в виду женщина, которая написала загадочное имя "Риголетта".) Но и тут есть вполне благопристойный выход, в этом случае вслух произносится:

- Ее же имя Ты, Господи, веси.

Архиепископ Киприан в свое время рассказывал такую историю. В бытность его еще священником служил с ним на приходе диакон, большой ценитель юмора. Однажды во время панихиды диакон обнаружил в записке некое немыслимое слово. (Владыка так и не повторил, что в точности там было написано.) Женщина, которая это вывела, вообще-то имела в виду слово "иеросхимонах". (Согласитесь, что возможности для искажения тут богатые.)

Так вот диакон с совершенно серьезным лицом обратился к батюшке:

- Простите, я вот это слово не могу разобрать.

Будущий владыка прочел и невольно рассмеялся... И далее уже удержаться не мог, так и посмеивался до самого конца панихиды. Когда же она отошла, он обратился к молящимся:

- Я вам уже говорил и еще раз повторяю: если вы не знаете толком какого-нибудь слова или имени, не пишите его в записке... А то вот видите, меня в соблазн ввели - я на панихиде из-за вас смеялся...

При этом владыка добавлял еще вот что:

- А если бы я им так не сказал, они меня бы обязательно за этот смех осудили.

Чтение записок вслух совершенно необходимый элемент современного богослужения. Прихожане внимательно это слушают, ловят знакомые имена из своих поминаний и особенно благоволят к тем священнослужителям, которые произносят внятно и с видимым усердием.

Мне рассказывали о некоем монахе из Почаевской лавры, который читал имена очень внятно, но чрезвычайно быстро, строчил, как пулемет... Кто-то решил над ним подшутить, и ему подсунули записку, где множество раз повторялось одно имя - "Тит", а в самом конце было написано "та-та-та". И монах, как по нотам, воспроизвел:

- Ти-та-ти-та-ти-та... Ти-та-ти-та-ти-та... Ти-та-ти, та-ти-та... Ти-та-ти-та-та-та-та...

За годы моего священства я собрал небольшую коллекцию поминальных записок. Кое-что из моего собрания я и хочу здесь воспроизвести.

Самые простые искажения происходят по уже упоминаемой мной причине - незнакомые слова воспринимаются на слух. Вот, например, в ярославских храмах подаются специальные записки с именами людей, которым должна быть возглашаема "вечная память". Для того, чтобы отличать эти поминания от прочих, на них пишут первые слова возгласия: "Во блаженном успении"... Так вот чего только ярославские старушки вместо этого не выводят: "Блаженные", "По блаженству" и даже с фининспекторским уклоном - "во обложение"...

Или слово - "отроковица". Многие его толком не знают, но так как в храме постоянно слышат, то и пытаются воспроизвести, кто во что горазд: "раковичку Ирину" или "девицу от рукавицы Зинаиду".

Но есть и такие поминания, которые я бы отнес уже к жанру литургического творчества. В семидесятых годах одна женщина в храме города Мурманска за каждым богослужением подавала такую записку: "О упокоении дважды великомученика Владимира Ленина". В конце концов, это стало известно органам компетентным, и она попала в психиатрическую больницу. Вышла она оттуда месяцев через шесть и больше "дважды великомученика" уже не поминала.

Вот еще один подлинный случай. К некоему батюшке подошла женщина и попросила его помолиться о упокоении души Владимира Ильича Ленина. Священник делать это категорически отказался, а свой отказ объяснил следующим образом:

- Как известно, Ленин - вечно живой. А живых за упокой не поминают.

В недавние времена в патриаршем соборе в Москве,

когда там в клире состоял архидиакон С. Гавшев, кто-то подавал такую выразительную записку:

"О здравии озлобленного архидиакона Стефана".

Чаще всего творчество в поминаниях проявляется под самый конец записки. Поначалу идут самые обыкновенные имена, а финал бывает оригинальный:

"Царя Давида и всю кротость его" (Цитата, псалом 131).

"Всех военно-убиенных".

"Всех усопших сродников".

"Всех забытых и всех заброшенных".

"Всех сродников по плоти и крови до седьмого колена от Адама и Евы".

А вот целый пассаж, который я бы назвал поэтическим. (Сохраняю "правописание" подлинника.)

"Все воиных убиеных Всех млоденцов безимяных всех млоденцов умерших Всех безродных умерших Всех утопляющих Всех удавляющих Всех згорающих Всех убивающих и Всех умерших".

И еще о творчестве. В простом народе еще живы старинные заговоры, которые в свое время собирал и опубликовал М. Забелин ("Русский народ, его обычаи, обряды, предания..."). Жанр этот не только существует, но, как видим, и модернизируется. Вот "молитва", которая попала ко мне в 1989 году. Привожу ее полностью с сохранением всех особенностей подлинника.

"Молитва

шел Господь Исус Христос с востока вель собой 1012 ангелов 1316 апостолов встретила с ними Мати Божия сын мой куда Ты идешь я иду к новорожденной робе Божией Евдокии узнать откуда взялся рак рак откуда ты взялся от тоски или сердцем или от глаза или от жизни или от буйного ветра иди рак туда тут тебе небыть в робе божей Евдокии червоного кровь непить белого тела некрушить

не косить ни сушить иди рак в синию море пей рак морскую воду и глатай рак морской песок и глатай рак морской камень

аминь аминь аминь”.

В заключение еще несколько перлов из моей коллекции.

”Убивенца Ивана”.

”Беременную, первородящую Клавдию”.

”Ожидаемого младенца Юрия (Георгия)”.

”Неопознанного младенца Сергия”.

”Листопадную Марию”.

А вот записка жуткая, так что - мороз по коже.

”беземенных

детей один оборт два

родила и задушила”

(Это вообще распространено, убитых во чреве поминают, как ”безимянных”).

Записка, свидетельствующая о дикости и темноте:

”За упаковой

Ксению Петербургскую

царя Давида

чудотворца отца Сирофима

Казанскую Божию Мать

Николая Угодника

и всех святых”.

Святой мученик Вонифатий, живший в III веке, как верят православные люди, помогает исцелять пьяниц, и по этой причине ему весьма часто заказывают молебны. Одна старушка, которая молилась об исцелении от пьянства своего сына, написала имя святого по собственному разумению:

”Мученик В и н о х в а т и й”.

И, наконец, о той записке, что вынесена в заглавие.

Она попалась мне лет двадцать назад в Скорбященском храме на Большой Ордынке. Там после некоторого перечня имен было приписано - "и ногу приставленную". Так писательница восприняла на слух слово "новопреставленная" - т. е. недавно умершая.

НАЧАЛ ЗА ЗДРАВИЕ...

Хорошего здесь много, но дьяконов настоящих, как по-нашему требуется, нет; все тенористые, пристойные по-нашему разве только к кладбищам, и хотя иные держат себя и очень даже форсисто, но и собою все против нас жидки и в служении все действуют говорком, а нередко даже и не в ноту, почему певчим с ними потрафлять хорошо невозможно.

Н. Лесков. "Соборяне"

Итак - дьяконы. Еще Лесковым замечено, что сан этот в Русской Православной Церкви создает определенные проблемы. Понятие о сути их можно получить, если вдуматься в слова некоего архиерея, который говаривал:

- Я хочу создать совершенно новую школу дьяконов. Все они будут у меня без слуха, без голоса, но зато совершенно непьющие и весьма благоговейные.

На эту же тему есть в Церкви краткая, но красноречивая поговорка:

- Где голосок, там и бесок.

До сих пор в православной среде бытуют новеллы о легендарном архидиаконе начала века - отце Константине Розове. Рассказывается не только о его изумительном голосе, но и о богатырском телосложении (рост 2 аршина 14 вершков), а также и о том, что он мог выпить четверть водки.

Дочь о. К. Розова сравнительно недавно опубликовала

в "Журнале Московской Патриархии" (1989, № 6) подлинный рассказ старого москвича:

"Раньше Каменный мост был небольшой, как-то раз бежит по мосту корова, а за ней хозяйка. Навстречу ей идет Розов. Она кричит ему:

- Батюшка, останови телку!

А он как гаркнул - корова и сиганула в Москва-реку. Женщина плачет, причитая:

- Что ж ты, батюшка, сделал? Ведь она - моя кормилица.

А батюшка достал из кармана деньги, извиняясь, отдал ей. Та увидела и ахнула:

- Батюшка, на эти-то деньги три коровы купить можно!"

А вот история, которую рассказывал покойный патриарх Пимен.

Как-то в морозный вечерок на праздник Крещения отец Константин шел в некотором подпитии по набережной Москва-реки. К нему сзади подкрался карманный воришка и запустил руку под его меховую рясу. Архидиакон почувствовал это, крепко ухватил воришку за руку и тут же свел его на лед реки. Затем он отыскал прорубь, взял своего пленника за шиворот и с пением - "Во Иордане крещающуся Тебе Господи..." - окунул вора в ледяную воду, а после этого отпустил на все четыре стороны.

В диаконском служении знатоки очень ценят внятное и громогласное чтение Евангелия на литургии. Хороший протодиакон произносит слова отдельно, с большими паузами. Когда-то по этой причине произошел даже некий конфуз. До революции в Глинскую, если не ошибаюсь, пустынь торжественно привезли чудотворную икону - Курскую Коренную. За литургией протодиакон читал Евангелие от Луки, которое положено читать на все богородичные праздники. Там есть обращение Спасителя: "Марфо, Марфо"... В этом месте протодиакон сделал особенно значительные паузы:

- Марфо... Марфо...

И тут какая-то простая баба ответила на весь храм:

- Чего, батюшка?..

Эта фраза в Евангелии гласит: "Марфо, Марфо, печешься и молвиши о мнозе..." Известен случай, когда в храме ленинградской Духовной академии протоиерей оговорился и громовым голосом возгласил:

- Марфо... Марфо... почешься...

Завершить эту тему я хочу конфузом, который произошел на моих глазах. В храме на Ордынке в день престольного праздника - явления иконы "Всех скорбящих Радость" архидиакон С. Г. вышел на литургии читать Евангелие. Но он открыл книгу неправильно и стал произносить тот текст, который положен на всенощной... Затем, опомнившись, он поскорее перевернул листы и перешел в то место, которое и следовало ему читать. В результате он прочел вот что:

- Во дни оны, воставши Мариам, иде в Горня со тщанием, во град Иудов, и вниде в дом Захарин, и целова Елисавет... И сестра ей бе нарицаемая Мариа, яже и седши при ногу Иисусову слышаще слово Его...

И далее все до конца. (Смотри Евангелие от Луки главы 1 и 10).

В семидесятых годах мне часто приходилось бывать в Ленинграде. Там, помнится, было несколько очень хороших протоиереев. С одним из них произошел курьезный случай в Великую Субботу.

В этот день за утренним богослужением читается 15 паремий - текстов из книг Ветхого Завета. Обыкновенно их читают псаломщики или младшие диаконы, а протоиерей в это время находится в алтаре и должен время от времени возглашать "Премудрость!" и "Вонмем!"...

Так вот после этой самой службы отец протоиерей ехал в троллейбусе от Александро-Невской лавры. Сказывалось утомление от сегодняшнего продолжительного богослужения, да и от всей Страстной седмицы... Сидя в

троллейбусе, он задремал. В это время водитель резко притормозил, и стоящий над дремлющим клириком пассажир инстинктивно ухватился за его плечо... Эффект вышел самый неожиданный - протоиерей встрепенулся и страшным голосом взревел:

- Премудрость!..

Среди самых знаменитых протоиереев в двадцатые годы был покойный М. Д. Михайлов. Затем его переманили в театр, работать там было, разумеется, безопаснее. Но он при том от религии не отрекался, никаких кощунственных заявлений не делал. Когда он умер, патриарх Пимен благословил отпеть его в облачении и поминать как протоиерея.

В артистической карьере М. Д. Михайлова был такой эпизод. Он снимался в печально известном фильме "Иван Грозный", исполнял там роль протоиерея в сцене коронации царя. Мне рассказывали, что он, в конце концов, очень обиделся на киношников, ибо возглашая "многолетие", он блеснул профессионализмом - тянул последнее слово едва ли не две минуты... А в готовом фильме это сильно урезали.

- Что же теперь про меня иереев скажут? - сетовал он. - Михайлов "много лет" пропеть не может...

Забавное происшествие было и во время самой съемки. Надо сказать, что постановщику фильма С. Эйзенштейну разрешили снимать в Кремле, в Успенском соборе, т. е. в том самом месте, где это и происходило. Можно себе представить, как киношники набились в храм, затащили осветительные приборы... У Эйзенштейна, как известно, совершенная композиция кадра была едва ли не главной целью, а потому недоразумение, возникшее у него с М. Д. Михайловым, особенно забавно. Итак, к съемке было все готово: протоиерей стоит на амвоне, звучат команды - "Свет!", "Камера!", "Начали!"... Михайлов поворачивается спиной к режиссеру и оператору и начинает говорить ектению...

- Стоп! - истерически кричит Эйзенштейн. - Вы почему туда повернулись? Камера здесь!

- А мне что ваша камера? - отвечает с амвона Михайлов. - Алтарь-то вот он...

Архиепископ Киприан рассказывал, что интронизация патриарха Алексия проходила весьма торжественно, было множество высоких иностранных гостей, всё московское духовенство. М. Д. Михайлов в гражданском костюмчике стоял на клиросе, и по щекам его текли слезы зависти. Ведь если бы он не ушел в театр, то был бы одной из самых первых фигур этого всеправославного торжества...

Владыка Киприан рассказывал мне и о другой московской знаменитости - протодиаконе Михаиле Холмогорове. Он говорил, что в свое время ценители красоты богослужений делились на две партии - поклонников Михайлова и почитателей Холмогорова. (Сам Владыка был среди последних.) При этом Холмогоров сохранил верность Церкви в самые трудные времена. А соблазны были и у него. Раз его уговорили спеть что-то такое на радио. И он согласился... Однако же, дойдя до дверей радиодома, раскаялся и не вошел.

Будучи еще священником, архиепископ Киприан служил с одним диаконом. Как-то такое на молебне этот диакон громогласно помянул некую "девицу со чады".

Когда служба отошла, будущий Владыка говорит ему:

- Ты что же, отец диакон, девицу-то позоришь?

- А что такое?

- Какие же у девицы могут быть чада?

- А я это не подумал. Я просто хотел ее получше помянуть...

Вспоминается мне некролог по одному маститому протодиакону, напечатанный в свое время в Журнале Московской Патриархии. Писал его человек, как видно, весьма далекий от приходской жизни. В частности, повествуя о благочестии покойного, автор упомянул, что тот на ектеньях читал не только общий синодик, но и многочисленные записки, которые у него всегда были при себе. (А это

последнее доказывает вовсе не набожность, а то, что у покойного была, так сказать, своя клиентура и при том, надо думать, обширная.)

Одна старая москвичка в свое время была свидетельницей скандальной ошибки, которую совершил протодиакон, сослужащий сразу двум патриархам - Российскому и Грузинскому. Дело было в пятидесятых годах. Московским первосвятителем был Алексей I, а Тбилиским, очевидно, Ефрем. В конце богослужения протодиакон возглашал многолетия - сначала предстоятелю Российской Церкви, а затем он должен был произнести:

- Великому Господину и Отцу Ефрему - Святейшему и Блаженнейшему Католикосу-Патриарху всея Грузии, Архиепископу Мцхетскому и Тбилисскому - многая лета!

Однако же непривычное слово "католикос" протодиакона сбilo, и у него вышло так:

- Великому Господину и Отцу Ефрему - Святейшему и Блаженнейшему Католикосу всех армян - многая лета!

Тут я приведу подлинные слова свидетельницы этого драматического эпизода. Она рассказывала, что грузинский иерарх, которого публично называли "католикосом армян", пришел в совершенное неистовство, глаза его сделались, как у "бешеного рака"...

Я довольно близко знал лишь одного протодиакона - отца Константина Егорова, который до смерти своей служил в Скорбященском храме на Большой Ордынке. По незлобивому своему характеру, да и по развитию, это был сущий младенец. В церковном хоре он пел с детства, а потом долгие годы был оперным певцом. Пик его сценической карьеры был, кажется, музыкальный театр Уфы, где он был солистом. При этом злые языки утверждали, что на всех спектаклях, в которых он участвовал, из-за него обязательно происходило какое-нибудь недоразумение. То же самое частенько происходило и на богослужениях.

Помню, как-то на всенощной, в последней, просительной ектенье он вдруг произнес:

- О предложенных честных Дарех Господу помолимся.

(Это - из последования литургии, а на всенощной смысла не имеет.)

В день Святителя Николая случился торжественный молебен, в конце которого архиерей должен был читать молитву. Протодиакону надлежало возгласить:

- Иже во святых отцу нашему Николаю, архиепископу, Мир Ликийских чудотворцу помолимся!

Отец Константин пожевал губами и произнес:

- Отцу Николаю помолимся!

Архиепископ Киприан прочел молитву. Молебен кончился.

Уже в алтаре владыка сказал:

- Хорошо, что хоть в клире нашем отца Николая нет, а то совсем бы уж неловко было...

Помню два случая, когда протодиакон выводил архиерея из терпения. Первый - на вечерне в Прощеное воскресенье. Отец Константин, как видно, после литургии "заговелся", а потому вечером явился в храм несколько более оживленным, нежели обычно.

После входа он встал рядом с архиереем на горнее место и запел прокимен, но перепутал слова - вместо "Не отвори лица Твоего от отрока Твоего..." - у него вышло:

- Не отвори лица моего от отрока Твоего...

Другой раз отец Константин рассердил архиерея в Великую Субботу. Ему довелось читать на утрени Апостол - послание к коринфянам. Там несколько раз встречается слово "квас" - "мал квас", "ветхий квас", "квас злобы и лукавства". А под конец говорится: "Писано бо есть: проклят всяк висий на древе". Вот протодиакон и прочти после всего этого:

- Проклят квас висий на древе...

После службы архиепископ долго не мог успокоиться:

- Ну, как это можно так сказать: квас висий на древе?..

Один из батюшек, чтобы несколько разрядить обстановку, говорит:

- Ну, а если в кувшин, Владыко?

Царствие небесное, отцу Константину!.. Повторяю: был он незлобив и наивен, как младенец, и это проявлялось во всем.

Перед служением литургии священник спрашивает его:
- Вы сегодня причастаться будете?

Протоиерей озабоченно осматривается и произносит:

- Надо бы причаститься... Сегодня не в приделе - в главном храме служим...

Надо добавить, что я старого протоиерея любил и всегда старался ему услужить. (Хотя, честно говоря, мне не нравилась его театрализованная манера служить.) Раз, помню, перед службой он обращается ко мне:

- Я служебник забыл... Сходи в раздевалку, там у меня в кармане подрясника.

Всенощная должна была вот-вот начаться, я поспешил, отыскал его подрясник, сунул руку в карман и чуть не вскрикнул от боли - мне в ладонь вонзилось что-то острое. Это был штопор, который находился в кармане вместе с маленьким служебником...

Окончить эту часть повествования* мне хочется еще одной подлинной историей. В семидесятых еще годах некий диакон удостоился чести сослужить архангельскому архиерею. После службы Владыка благословил одному монаху, который ездил в собственном автомобиле, отвезти отца диакона по требуемому адресу. Монах этот то ли был унижен самим поручением архиерея, то ли диакон этот ему очень не нравился, но он поступил следующим образом. Выбрав место весьма глухое и безлюдное, он остановил машину и буквально вышвырнул своего пассажира с такими словами:

- На всю жизнь запомни: монашество выше диакона!

* Здесь опубликованы главы из одноименной книги. - Ред.